

*соискатель Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия, г. Москва*

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННОЙ СИЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Реализация государствами и их коалициями военной политики в современных международных отношениях характеризуется активным вовлечением в процессы легитимации применения военной силы гражданской общественности. Благодаря глобальным средствам массовой информации и коммуникации военно-гражданское взаимодействие реализуется на региональном и глобальном уровне. Его особенностью является вовлечение в процесс легитимации актов применения военной силы транснациональных корпораций, финансовых групп, международных организаций. Позиции и взгляды участников международных военно-гражданских отношений, тиражируемые в информационном пространстве, формируют дискурс международных военно-гражданских отношений. В условиях отсутствия единой международной политики управления глобальным информационным пространством дискурс международных военно-гражданских отношений используется военно-политическими субъектами для продвижения своих интересов и оправдания вооруженного насилия. Наблюдаемая трансформация ценностных приоритетов в международных отношениях позволяет международным акторам манипулировать в информационном пространстве доминирующим в международном сообществе нарративом справедливости в рамках оправдания военной агрессии. Слабость существующих механизмов регулирования информационной деятельности субъектов вооруженного насилия актуализует поиск альтернативных способов согласования их интересов в информационном пространстве.

Ключевые слова: *международные военно-гражданские отношения, военно-политические субъекты, военная политика, вооруженное насилие, глобальное информационное пространство, дискурсное противоборство, международная информационная безопасность.*

В современных международных отношениях право на вооруженное насилие, принимаемые решения в области реализации военной политики обсуждаются не только на официальных международных площадках, но и в глобальном информационном пространстве. Возникающие при этом взаимосвязи между субъектами применения военной силы и гражданской общественностью формируют специфический вид международных отношений по поводу организации, подготовки и применения военной силы – международные военно-гражданские отношения (МВГО).

Подавляющее большинство научных работ, посвященных военно-гражданским отношениям, рассматривают их на национальном уровне [11. С. 39-46; 8. С. 58-67; 10]. Формирование коллективных субъектов применения силы, международных общественных организаций, влияющих на военно-политическую ситуацию, расширяют границы исследования военно-гражданского взаимодействия до регионального и глобального масштабов.

Военно-гражданское взаимодействие на региональном и глобальном уровне характеризуется расширением перечня участников, необходимостью учета при согласовании актов применения военной силы не только политических, но и коммерческих интересов. Так, к военным участникам МВГО помимо межгосударственных глобальных и региональных военных союзов, и блоков, специалисты относят транснациональные корпорации и мировые финансовые группы. Как отмечает А.В. Бабилов, интересы международных компаний, оспаривающих монополию государств на военную деятельность, стоят за вооруженными конфликтами и государственными переворотами на Ближнем востоке, в Латинской Америке, Европе и Азии [1].

Гражданская составляющая в МВГО представлена субъектами мирового общественного мнения – международными межправительственными (МПО) и неправительственными организациями (МНПО), социально-классовыми и демографическими группами, глобальными СМИ и социальными медиа, отдельными политическими и общественными деятелями, активно участвующими в обсуждении вопросов реализации военной политики. Особая роль в этом отводится международным институтам, призванным обеспечивать согласование национальных и государственных интересов с общечеловеческими, закрепленными в международных соглашениях. При этом экспертами отмечается тенденция к политизации странами Запада деятельности международных организаций [6]. Некоторые из них являются, фактически, подчиненными структурами сверхдержав, проводниками их интересов на территории других государств. Так, заместитель начальника управления Народной милиции Донецкой Народной Республики Эдуард Басурин заявил о том, что миссия ОБСЕ и «Врачи без границ» собирали в Донецке разведданные с целью передачи их украинским властям [2].

Один из основных вопросов МВГО – справедливость применения военной силы. Нарратив справедливости доминирует в обосновании вооружен-

ного насилия с древнейших времен [12]. Он отражен в концепте справедливой войны, получившем активное развитие во второй половине прошлого века [3. С. 642]. Исторически, справедливость вооруженного насилия рассматривается с позиций «необходимости» и «соразмерности». Как отмечает С.В. Коростелев, если критерий «соразмерности» получил достаточно полное раскрытие в трудах исследователей и закреплён в международном гуманитарном праве, то в обосновании необходимости акта применения силы велика политическая составляющая [7. С. 9-10].

Сформировав в начале прошлого века Лигу наций, а затем в 1945 году ООН, субъекты международных отношений выработали общие критерии «необходимости» и «соразмерности» применения военной силы и закрепили их в Уставе ООН, как и принцип суверенитета, являющийся основой международного права. В настоящее время в оценке правомерности применения военной силы наблюдается дрейф от уже устоявшихся ценностей государственно-центричной системы (приоритет международного права, суверенитета, равноправия и равноответственности) в сторону универсальных ценностей. Одним из теоретических оснований такой трансформации стала концепция личностной безопасности [13. С. 544-546]. В ней защита прав человека ставится выше принципов международного права, закрепляющего главенство государственного суверенитета, отраженного в Уставе ООН. Мир, фактически, разделился на сторонников вмешательства в конфликты по гуманитарным причинам и противников этого.

Манипулируя нарративом справедливости, участники МВГО формируют критерии «необходимости» вооруженного насилия, опираясь на универсальные ценности, активно продвигаемые сегодня коллективным Западом на роль основополагающих. Для этого субъекты военной политики воздействуют на массовое сознание, используя инструментарий политических коммуникаций, вовлекая в процесс легитимации своих действий мировые средства массовой информации и коммуникации (СМИ, СМК) и международные организации.

Тиражируемые в информационном пространстве взгляды и идеи участников МВГО формируют дискурс МВГО. Отсутствие единого подхода к оценке справедливости применения силы в международных отношениях выражается в конкуренции многих поддискурсов и дискурсном противоборстве, что создает предпосылки к нарушению международного мира и безопасности. Для отстаивания своих позиций в глобальном информационном пространстве участники МВГО применяют технологии маркетинга и пропаганды, воздействуя на общественное мнение на национальном и глобальном уровне, манипулируя нормами международного права и положениями Устава ООН.

Многие военные операции и подготовка к ним сопровождаются масштабными дезинформационными кампаниями, ведущими к утрате адекватности

понимания мировой общественностью сути происходящего. Конструирование дискурса МВГО сопровождается виртуализацией политической реальности, формированием и продвижением в информационном пространстве ложных оснований применения военной силы. При этом основным направлением информационной политики является дискредитация оппонента. Так, начиная с 2014 года в периоды активизации боевых действий на востоке Украины, официальный Киев обвинял ополченцев Донбасса в обстрелах мирного населения, т.е., фактически, в обстрелах самих себя. В Сирии постановочные видео активистов «Белых касок» о химических атаках против мирного населения использовались для дискредитации сирийского правительства, а прозападные СМИ массово тиражировали «удары» российских ВКС по гражданским объектам.

На дезинформации и переписывании истории была построена и масштабная, долгосрочная информационная кампания по утверждению в украинском обществе антироссийской идеологии, распространению украинского национализма. При этом медийные площадки мирового уровня старательно не замечают существование неонацизма на Украине, несмотря на представляемые российскими военными и следственными органами фото и видео доказательства, свидетельства очевидцев [5]. Подобная редакционная политика противоречит международным принципам профессиональной этики журналиста, обслуживает, фактически, политический заказ своих правительств, поддерживая выгодную им точку зрения.

Многообразие и противоречивость позиций участников МВГО по поводу необходимости, соразмерности, справедливости применения военной силы, отраженных в дискурсе МВГО, актуализует проблему их согласования. Как отмечено в Доктрине информационной безопасности РФ, «отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства» [4]. Такая ситуация создает предпосылки к использованию информационно-коммуникативных технологий не для поиска и согласования общего смысла в своих действиях, а для манипуляции общественным мнением и достижения своекорыстных внешнеполитических целей. Несмотря на непрекращающийся переговорный процесс в области международной информационной безопасности, существующие глобальные правовые механизмы для согласования интересов участников МВГО в информационно-коммуникативном пространстве развиты недостаточно [9]. Это актуализирует поиск альтернативных, в том числе неправовых механизмов согласования информационной деятельности, направленных на контроль формирования дискурса МВГО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бабилов А.В.* Негосударственные участники международных отношений. Москва: Изд-во РАГС, 2007.
2. Басурин заявил, что миссия ОБСЕ и «Врачи без границ» собирали в Донетке разведданные // Информационное агентство ТАСС. 13.06.2022 // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14894345?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
3. *Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И.* Современная политическая наука. Методология. 2-е, дополненное издание. М.: Аспект Пресс, 2019.
4. Доктрина информационной безопасности РФ // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>.
5. Захарова обвинила западные СМИ в игнорировании нацизма на Украине // Газета «Известия». 27.05.2022 // <https://iz.ru/1341033/2022-05-27/zakharova-obvinila-zapadnye-smi-v-ignirovanii-nacizma-na-ukraine>.
6. Захарова заявила, что страны Запада политизируют деятельность международных организаций // RT на русском. 25.05.2022 // <https://russian.rt.com/world/news/1007565-zaharova-zapad-mezhdunarodnye-organizaci>.
7. *Коростелев С.В.* Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях: диссертация доктора политических наук. Санкт-Петербург, 2021.
8. *Ломовская О.Е.* Развитие военно-гражданских отношений в контексте национальной безопасности: теоретические аспекты // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2.
9. Международная информационная безопасность: подходы России // Сайт МГИМО Университет МИД России. Москва, 2021 // <https://mgimo.ru/upload/2022/03/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-podkhody-rossii.pdf>.
10. *Неретин А.Ю.* Военно-гражданские отношения в сфере обороны Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: ВУ, 2011.
11. *Певень Л.В.* Методологические вопросы исследования военно-гражданских отношений // Армия и общество. 2008. № 4.
12. *Сивков К.В.* Справедливость как оружие // Военно-промышленный курьер. 2018 // <https://www.vpk-news.ru/articles/45051>.
13. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: МГИМО МИД России, 2017.

R.V. TITOV

*Candidate at the Institute for Law and
National Security of RANEP,
Moscow, Russia*

LEGITIMIZATION OF THE USE OF MILITARY FORCE IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: INFORMATION AND COMMUNICATION ASPECT

The implementation of military policy by States and their coalitions in modern international relations is characterized by the active involvement of civil society in the processes of legitimizing the use of military force. Thanks to the global mass media and communication, military-civil interaction is implemented at the regional and global level. Its peculiarity is the involvement of transnational corporations, financial groups, and international organizations in the process of legitimizing acts of the use of military force. The positions and views of participants in international civil-military relations, replicated in the information space, form the discourse of international civil-military relations. In the absence of a unified international policy for managing the global information space, the discourse of international civil-military relations is used by military-political actors to promote their interests and justify armed violence. The observed transformation of value priorities in international relations allows international actors to manipulate in the information space the dominant narrative of justice in the international community within the framework of justifying military aggression. The weakness of the existing mechanisms for regulating the information activities of subjects of armed violence actualizes the search for alternative ways to coordinate their interests in the information space.

Key words: *international civil-military relations, military-political actors, military policy, armed violence, global information space, discursive confrontation, international information security.*